

в отношении европейских стран, фактически открыто поощряли агрессию фашистской Италии против Эфиопии. Благодаря прежде всего французским усилиям Италия получила более чем полугодовой срок для подготовки агрессии в Северо-Восточной Африке. Сама же политика Франции стала одним из первых актов политики поощрения агрессоров, которая в конечном итоге привела к новой мировой войне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Documents diplomatiques français. Sér. 1. P., 1981. Т. 10.
2. *Савинова О. В.* Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях (1933—1935)//Проблемы итальянской истории. М., 1978.
3. *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах: Очерк дипломатической истории, 1922—1935 гг. М., 1979.
4. *Трофимов В. А.* Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979.
5. *Salvemini G.* Preludio alla seconda guerra mondiale // Opere III. Milano, 1967. Vol. 3.
6. Documents diplomatiques français. Sér. 1. P., 1980. Т. 9.
7. *Лисовский П. А.* Итало-абиссинский конфликт. М.; Л., 1935.
8. League of Nations. Official Journal. 1935.
9. *Mennevée R.* Les origines du conflit italo-ethiopien et la Société des Nations. P., 1936.
10. Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18.
11. *Макеев Д. А.* Советско-эфиопские отношения в 20—30-е гг.//Народы Азии и Африки. 1975. № 5.
12. *Funke M.* Sanktionen du Kanonen. Hitler, Mussolini und der internationale Abessinienkonflikt 1934—1936. Düsseldorf, 1971.
13. *Бартницкий А., Мантель-Нечко И.* История Эфиопии. М., 1976.
14. *Laurens F. D.* France and the italo-ethiopian crisis 1935—1936. P., 1967.
15. *Noël L.* Des illusions de Stréssa. P., 1975.
16. *Mori R.* Mussolini e la conquista dell'Etiopia. Firenze, 1978.
17. *Aloisi P.* Journal (25 juillet 1932—14 juin 1936). P., 1957.
18. L'iniquo processo di Ginevra: Documenti sul conflitto italo-etioptico/A cura del prof. G. Bosco. Firenze, 1936.
19. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
20. Archiv von publizistischer Arbeit (Internationales Biographisches Archiv). Abessinien und der Pakt von Rom.

А. Г. ЧЕВТАЕВ
Уральский университет

Англо-американские противоречия в вопросах военно-политической стратегии в Восточном Средиземноморье в 1942—1943 гг.

В истории второй мировой войны становление империалистических коалиций и их борьба между собой получили определенное освещение в советской литературе, тогда как проблемам

внутриблоковых отношений уделялось гораздо меньше внимания. Работы, посвященные этим вопросам, вышли более 15 лет тому назад [1—5].

За прошедшие годы заметно расширилась источниковая база по истории войны, облегчен доступ в государственные архивы ряда стран, в частности Великобритании, в личные архивы многих видных деятелей того времени, изданы переписка между Рузвельтом и Черчиллем и дневники ряда крупных дипломатов [6—9]. Советские публикации начала 80-х годов также дали немало материалов о разработке и проведении политики западных держав военного времени [10—12].

Буржуазные историки, отступая в некоторых случаях под натиском марксистской исторической науки и сообразуясь с ходом времени, пытаются использовать новые источниковедческие возможности для усиления фальсификации многих вопросов внутриблоковых отношений между империалистами в годы войны, в частности развития англо-американской коалиции [13—18].

Восточное Средиземноморье, куда входят приморская часть Ближнего Востока, Турция и южная зона Балканского полуострова, является именно тем регионом, где разработка и реализация военно-политического курса западной коалиции в годы войны имела свои особенности, изученные до сих пор недостаточно. Данная статья, продолжая исследование политики и стратегии Великобритании в одном из важнейших районов «имперского присутствия», ставит своей задачей на основе широкого круга источников, прежде всего неопубликованных и не введенных в научный оборот британских архивных документов, выяснить проблему взаимодействия единства и расхождения интересов британского и американского империализма в Восточном Средиземноморье в важной фазе коренного перелома во второй мировой войне — с ноября 1942 г. до начала июля 1943 г.

Осенью 1942 г. вторая мировая война подошла к важному рубежу. Героическое сопротивление Советской Армии не только сорвало достижение гитлеровцами решающих стратегических успехов на востоке Европы, в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, но и определило переход агрессоров к обороне на всех фронтах борьбы. Контрнаступление советских войск под Сталинградом открыло новый этап мировой войны — период ее коренного перелома. За сокрушительным разгромом и пленением остатков 330-тысячной группировки противника последовала серия ударов на фронте от Ладожского озера до Кавказа. Эти сражения, в которых враг потерял 1,5 млн. человек, т. е. четверть сил, действовавших на востоке Европы, оказали значительное воздействие на обстановку и ход событий на других театрах войны [19. С. 511—522; 20. Т. 6. С. 80—81].

Расстановка сил в мире благоприятствовала проведению

наступления как со стороны Советского Союза, так и западных держав с целью решительного изменения хода войны и скорейшего разгрома главного врага — Германии. Но империалистические стремления в политике США и Англии привели к тому, что союзники вместо открытия второго фронта в Западной Европе осенью 1942 г. начали реализацию своей периферийной стратегии — борьбу за овладение Средиземноморьем. В конце октября англичане, обеспечив многократный перевес над противником в живой силе и технике, начали контрнаступление под Эль-Аламейном и после трехнедельной борьбы, упустив возможность отрезать и уничтожить армию Роммеля, заняли Киренаку — восточную часть Ливии [4. С. 277—278; 21. Р. 299—300; 22. Р. 296—298].

Эта победа, несмотря на ее важность для Великобритании, не внесла принципиальных изменений в расстановку сил двух коалиций в данном регионе. Ни итальянцы, ни тем более немцы, стоявшие накануне Сталинградского разгрома, не приняли и не могли принять серьезных мер к удержанию Ливии. Не выдерживают критики утверждения западных историков о том, что разгром Роммеля стал крупной стратегической победой. Тем более несостоятельны попытки называть победу у Эль-Аламейна решающим поворотным пунктом всей войны [23. С. 139].

Вторым шагом в осуществлении периферийной стратегии стала операция «Факел» — высадка войск США и Англии в Марокко и Алжире 8—9 ноября. Союзные силы, практически не встретив сопротивления, закрепились на побережье [24. С. 106—109]. Этот скромный успех, совпавший с выходом армии Монтгомери на границу Триполитании, вдохновил Черчилля. 9 ноября он в беседе с послом СССР в Лондоне Майским изложил программу-график всей периферийной стратегии: занятие всей Северной Африки и ликвидация армии Роммеля; овладение Сицилией и Сардинией; челночные бомбардировки Италии и вывод ее из войны; вовлечение Турции в войну на стороне союзников весной или летом 1943 г.; наконец, высадка союзных войск в различных пунктах Балканского полуострова. На резонный вопрос Майского, значит ли это, что планы второго фронта во Франции в 1943 г. отпали, Черчилль ответил, что «хотя французские планы, говоря вообще, не отпали, но итало-балканские планы кажутся ему более привлекательными, они легче осуществимы и обещают больше непосредственных результатов» [11. Т. 1. С. 305]. И хотя Черчилль пытался тут же убедить советского посла в том, что «второй фронт на Балканах» будет выгоден всем Объединенным нациям, дальнейший ход событий показал, кому эти планы обещали «больше непосредственных результатов».

В Вашингтоне также испытывали большой оптимизм в отношении перспектив в Средиземноморье. 12 ноября Рузвельт написал Черчиллю, что в связи с предстоящим установлением

контроля союзников над всем южным побережьем Средиземного моря «вы с комитетом начальников штабов в Лондоне и я с моим объединенным штабом сможем рассмотреть перспективы, включая более раннее продвижение в Сардинию, Сицилию, Италию, Грецию и другие балканские районы, а также возможность получения турецкой поддержки для удара немцам во фланг через Черное море» [6. Р. 278; 25 Vol. 4. Р. 630]. Важной причиной этого послания была необходимость для США, с одной стороны, подтвердить правомерность британских замыслов в Восточном Средиземноморье и на Балканах в качестве компенсации за признание Лондоном гегемонии Вашингтона в Северо-Западной Африке, с другой — подчеркнуть вероятность активного участия США в итало-балканских действиях союзников, если таковые станут неизбежными.

Вместе с тем успешное начало контрнаступления под Сталинградом заставляло правящие круги США внимательно анализировать общую ситуацию в Европе. Рузвельт, как показывает его переписка с Черчиллем, а также Сталиным в конце ноября — начале декабря 1942 г., впервые допустил возможность военного краха Германии в ближайшие месяцы и, следовательно, необходимость форсирования Ла-Манша летом 1943 г. Для этого нужен был минимум сил на Британских островах, и американские стратеги, особенно Дж. Маршалл, склонялись к тому, чтобы после изгнания или ликвидации войск держав оси в Северной Африке начать переброску своих сил в Англию, а не посылать их для дальнейшего развертывания периферийной стратегии [26. Т. 1. С. 80—81; 24. С. 160; 25. Vol. 4. Р. 652—653, 658].

Лондон же, несмотря на тактические разногласия между Черчиллем и комитетом начальников штабов, стал активнее склоняться к приоритету периферийной стратегии. Английский премьер-министр даже пошел на сознательный обман своих партнеров, когда 24 ноября писал Сталину, что он, Черчилль, «согласен с предложением Рузвельта о посылке двух английских и двух американских офицеров в Москву для составления планов на 1943 г. в этой части», т. е. якобы в отношении Восточного Средиземноморья и особенно Турции. Черчилль сделал вид, что Рузвельт одобрил его «Памятную записку об операциях в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и Балканах», в которой была подробно изложена британская средиземноморская стратегия и определены конкретные цели для ее реализации [27. Т. 1525; 28. 1942. Nov. 27].

В действительности Рузвельт только 25 ноября внес предложение провести совещание высоких представителей США, СССР и Англии для согласования военной стратегии в Европе и Средиземноморье, причем Турция даже не упоминалась. В тот же день руководство США гораздо более осторожно, чем в упомянутой телеграмме 12 ноября, выразилось в отношении перспектив действий союзников в Восточном Средиземноморье после

оккупации Туниса и Триполи: допускалось лишь занятие Крита и предоставление Турции стрелкового оружия и боеприпасов [29. Т. 2. С. 305; 25. Vol. 4. P. 662].

В Лондоне, однако, продолжали активную разработку своего варианта периферийной стратегии, в котором четко обозначились два конкретных направления — итало-балканское и турецко-балканское. Планирующий штаб комитета начальников штабов Англии, рассматривая взаимосвязь Италии и Балкан как факторов в стратегии Германии, исходил из того, что успешное наступление Советской Армии создаст такую нехватку сил вермахта, что гитлеровцы смогут удерживать либо Италию, либо Балканы. Вероятнее всего немцы оставят Италию и будут удерживать Балканы, для чего им понадобится дополнительно 12 дивизий. Хотя планировщики полагали, что эта «смена караула» скорее всего произойдет быстро, у союзников все же остается шанс «совершить прыжок» на Балканы. На случай другого варианта действий Германии — закрепления в Италии за счет оставления Балкан — планирующий штаб рекомендовал следующий образ действий: захват Крита и Додеканес, создание крупных запасов оружия, снаряжения и продовольствия для последующей отправки в Грецию, Югославию и Албанию, подготовка в «кратчайший срок» британских экспедиционных сил и посылка их в Салоники [30. P. 4].

По мнению британских стратегов оптимальное совмещение обоих направлений стратегических усилий союзников — средиземноморского с разветвлением на Италию и Балканы и западноевропейского с операцией «Раундап» — зависело также от того, как скоро Италия прекратит сопротивление. Вероятнее всего на первых порах придется делать выбор между ними. «Если Италия не рухнет раньше, чем мы ожидаем, — говорилось в рассматриваемом документе, — реализация этого (балканского варианта. — А. Ч.) должна идти за счет операции «Раундап» в 1943 году» [30. P. 5]. При этом планировщики вслед за Черчиллем утверждали, что такой выбор приоритета «более выгоден русским», чем высадка в Западной Европе в 1943 г. за счет Средиземноморья. Так в британском стратегическом планировании в новый период войны закладывалась идея превосходства средиземноморской концепции над западноевропейской в политике западных союзников на 1943 г.

Реальный политический смысл восточноевропейского варианта периферийной стратегии обнаруживается при анализе документов министерства иностранных дел Англии (Форин Оффиса) конца 1942 — начала 1943 гг. В тот момент британская дипломатия определила общую направленность политики Лондона в Юго-Восточной Европе. Британский посол при югославском эмигрантском правительстве Дж. Рендел представил в Форин Оффис несколько донесений, в которых обсуждал вопрос, каким образом англичане смогут вернуть свои позиции

в этом регионе. Он считал, что с военной точки зрения есть два пути: вторжение союзных войск на Балканы «с турецкого согласия или без него» или «самостоятельная турецкая оккупация Болгарии» с британского одобрения [31. 1942. Dec. 12].

В политическом плане Рендел, рассматривая преимущества такого средства восстановления британских позиций в Юго-Восточной Европе, как балканская конфедерация, считал крайне важным осуществить элементы значительной автономии ее участников, чтобы «побить такую козырную карту русских, как принцип автономии советских республик». Кроме того, он советовал Форин Оффису подтолкнуть эмигрантские правительства к тому, чтобы те «выработали и опубликовали собственные планы социальных реформ» и тем самым ослабили или нейтрализовали «воздействие другой сильной карты русских — коммунистической программы революционных изменений» в СССР [31. 1942. Dec. 12].

Из заметок к этому документу, сделанных помощником постоянного заместителя главы Форин Оффиса О. Сарджентом, видно, что Лондон «намеревался в рамках балканской конфедерации восстановить предвоенные национальные режимы, чтобы не допустить усиления советского влияния на Балканские страны». Правительство, подчеркнул Сарджент, против идеи профессора Э. Карра о том, чтобы «молчаливо признать незаинтересованность Англии в Юго-Восточной Европе и считать эту часть Европы исключительно сферой русского влияния» [31. 1943. Jan. 11]. Использование тезиса «непризнание сферы русского влияния» не могло скрыть намерения британского правительства противодействовать освободительной миссии СССР, оказанию им помощи антифашистскому, демократическому движению в этом регионе.

Рендел признал, что англичане используют различные пути для восстановления своего влияния на Балканах: поддержку четников Михайловича, схемы югославо-греческой конфедерации и вовлечение Турции в планы британского возвращения в Юго-Восточную Европу. То, что этот метод действий был направлен против интересов СССР и балканских народов, вовсе не смущало Рендела. Его беспокоила вероятная малая эффективность такой политики, и он поставил на обсуждение «альтернативный курс»: попытаться убедить Москву, что «в общих интересах союзников» не допустить вовлечения Юго-Восточной Европы в хаос, что «надо организовать существующие силы порядка и закона (эмигрантские круги и их военные отряды на Балканах.— А. Ч.) и выработать определенный общий план, на основе которого различные законные правительства установят контроль в своих странах как можно раньше». На полях документа глава Форин Оффиса А. Иден сделал приписку: «Я предпочитаю этот путь» [31. 1942. Dec. 12].

Однако Рендел, понимая, что СССР вероятнее всего отка-

жется от такой «альтернативы», сразу же возвращается к методу открытого противоборства: «Если СССР откажется сотрудничать, мы сможем иметь одну-две карты в своей игре, а именно: британские и американские войска могут оказаться на Балканах; Турция может стать участником войны и со своей армией окажется там же; мы и американцы станем контролировать организации, которые будут предоставлять помощь голодающему населению Балкан» [31. 1942. Dec. 12.]. Это одно из наиболее откровенных изложений реакционного, антидемократического смысла британской политики «возвращения на Балканы». Отсутствие какого-либо комментария Идена на полях документа свидетельствует, что Лондон не исключал возможности использования этого метода борьбы с освободительным и революционным движением в балканских странах.

Политические замыслы в Восточном Средиземноморье и на Балканах англичане строили втайне от старшего партнера, но стратегические планы приходилось обсуждать вместе с ним. 31 декабря 1942 г. военный кабинет утвердил документ «Американо-британская стратегия на 1943 г.» и направил его в Вашингтон в качестве основы для дискуссии на предстоявшей конференции в Касабланке. В специальном приложении к нему под названием «План действий в Средиземноморье» рассматривались возможные действия против Италии, на Балканах и в отношении Турции. Сюда вошли многие положения вышеуказанной разработки планирующего штаба от 5 декабря с поправками, вытекавшими из хода борьбы не только в Средиземноморье, но прежде всего на востоке Европы [32. Прил. 2.].

Вынужденный оглядываться на СССР, Лондон сопроводил свои восточносредиземноморские планы такими предложениями, как бомбардировки румынских нефтяных источников с турецких баз, открытие Проливов для Объединенных наций и прежде всего для поставок СССР по ленд-лизу, о чем уже поднимался вопрос в палате общин, создание на турецкой территории «потенциальной опасности немцам на Балканах и в Южной России» [32. Прил. 2; 33. 1942. Nov. 23. Dec. 10]. Но, как будет видно дальше, эти предложения были скорее камуфляжем для прикрытия империалистической политики «возвращения» на Балканы.

В начале января 1943 г. в Вашингтоне обсуждались вопросы военно-политической борьбы в Средиземноморье и в Европе в целом. Американские стратеги весьма осторожно отнеслись к британскому плану действий в Средиземноморье, хотя Дж. Маршалл не исключал при благоприятных обстоятельствах операций «вблизи Палестины, Ирака и Кипра, чтобы восстановить добрую волю турок и даже получить их поддержку союзникам». Но оставалось существенное разногласие: США склонялись к проведению высадки через Ла-Манш в 1943 г. после завершения операции в Тунисе, тогда как Англия настаи-

вала на продолжении средиземноморской стратегии как главного направления борьбы союзников [34. Р. 6—7].

Конференция в Касабланке между Рузвельтом и Черчиллем 14—25 января 1943 г. стала важной вехой в разработке периферийной стратегии. Поначалу дали знать себя указанные разногласия. Англичане предлагали сосредоточить главные усилия в 1943 г. в Средиземноморье под тем предлогом, что это «более эффективно ослабит нажим немцев на русском фронте, чем конкретное использование сил в Северо-Западной Франции», и в целом заметно приблизит победу Объединенных наций в Европе. США же, опасаясь ухода Лондона на сторону после окончания войны в Европе, требовали заметного расширения борьбы против Японии, тем самым серьезно ослабляя концепцию «Германия — враг № 1». Общность интересов обоих партнеров, подкрепленная заверениями Черчилля о переброске «всех английских ресурсов на Тихий океан, как только закончится война с Германией», довольно быстро привела к компромиссу. Союзники отказались от концепции «второй фронт в 1943 г.» и решили развивать операции прежде всего в Средиземноморье. Расширялись боевые действия и на Тихом океане за счет средств, предназначенных для операции «Раундап» [13. Р. 621].

Средиземноморскую стратегию предполагалось развивать по двум направлениям: захват о. Сицилия с перспективой нажима на Италию и вовлечение Турции в войну с перспективой перенесения военных действий на Балканы. Итальянское направление практически исчерпывалось военной стороной, т. е. подготовкой и проведением десанта на Сицилию, и на данном этапе не вызывало разногласий между союзниками. Иное дело турецко-балканское направление, которое было не просто военным, а политико-стратегическим по своему содержанию, о чем убедительно говорят упомянутые документы Форин Оффиса. Хотя Турция и Южные Балканы входили в зону «британской ответственности», именно это обстоятельство не устраивало Вашингтон. На совещании 15—16 января американцы дали понять, что готовы участвовать в сосредоточении «достаточных сил союзников на восточной границе Турции» независимо от того, вступит Турция в войну в ближайшее время или нет [35. Р. 560, 582].

Англичане, которых и без того беспокоило намерение США заключить с Анкарой договор о прямом снабжении турок по ленд-лизу без британского контроля, перешли в решительное дипломатическое наступление. 18 января Черчилль заявил, что «поскольку большинство войск, могущих быть вовлеченными в помощь Турции, будут британскими», именно Лондон в военное время должен вести с ней все дела от имени союзников. Это будет аналогично тому, как «США теперь контролируют ситуацию в отношении Китая» [35. Р. 634; 36. Vol. 4. Р. 677].

Рузвельт не стал оспаривать это требование, учитывая не столько «ситуацию в отношении Китая», сколько признание

англичанами лидерства США в делах Французской Северной Африки. 19 января объединенный комитет начальников штабов зафиксировал «формулу Касабланки»: «все союзные дела, связанные с турками, передаются под руководство англичан». В тот же день англичане внесли на обсуждение обширный меморандум «Союзные планы в отношении Турции». В нем прежде всего излагались британские взгляды на отношение Турции к воюющим сторонам и ее возможную позицию в случае близкого крушения Германии. Англичане не только не собирались устранять необоснованные турецкие опасения в случае победы СССР над гитлеровцами, но напротив хотели усилить их, чтобы турки, запуганные «опасностью с севера», полностью вошли в фарватер западной, точнее британской политики. Во второй части документа говорилось об использовании турецкой территории как трамплина для реализации балканского направления периферийной стратегии: захват островов Додеканес, утверждение союзного флота в Эгейском море, овладение Критом, наступление британских сил из турецкой Фракии в направлении Салоник [35. Р. 764—781].

19 января Черчилль в беседе с Гопкинсом сообщил о намерении встретиться с турецким президентом Иненю. Стремясь убедить США в решимости Лондона вовлечь Анкару в войну, премьер-министр заявил, что он не будет колебаться в выборе орудия давления на турок. Снова, как и в меморандуме «Союзные планы в отношении Турции», речь зашла об использовании тезиса «русской угрозы Дарданеллам» [35. Р. 643]. И хотя американцы не возразили против такого метода нажима на Турцию, перспектива смещения центра тяжести периферийной стратегии из Италии на Балканы их не устраивала. К тому же военные советники Рузвельта были против «формулы Касабланки» и настояли на принятии оговорки, что деятельность Англии в снабжении Турции по ленд-лизу ставится под контроль объединенного комитета начальников штабов. В целом делегация США молчаливо отказалась обсуждать британский меморандум. В основном документе конференции в Касабланке 23 января 1943 г. полностью доминировало итальянское направление. Все многочисленные предложения англичан были сведены к следующему малозначительному пункту: рассмотреть возможность проведения ложных или вспомогательных операций в Восточном Средиземноморье [35. Р. 658—659, 793—794].

Несмотря на разногласие между Лондоном и Вашингтоном в вопросах политико-стратегической борьбы в регионе, союзники провели реорганизацию руководства своими боевыми силами, которая закрепила сложившееся единство действий войск в операции «Факел» и наступления 8-й британской армии, подошедшей к Тунису из Триполитании. Было создано верховное командование средиземноморского театра, охватившего сухопутные и морские территории от Гибралтара до границ Египта.

Его главой стал американский генерал Д. Эйзенхауэр, а его заместителями, командующими тремя родами войск — три британских высших офицера: генерал Г. Александер, адмирал Э. Каннингхэм и маршал авиации А. Теддер. Последние становились в большей степени самостоятельными командирами, и это отчасти компенсировало недовольство группы британских правящих кругов тем, что верховным командующим стал не британский офицер [37. Р. 45—46; 6. Р. 315, 318].

Важным событием в реализации периферийной стратегии Запада в Средиземноморье, а также в борьбе Лондона за Турцию стала встреча Черчилля с Иненю 30—31 января 1943 г. Англичане только в последний момент сообщили в Москву о предстоящей поездке, а 1 февраля Черчилль в очередном послании Сталину изложил результаты переговоров [26. Т. 1. С. 86—87]. Премьер-министр не мог объяснить противоречия между стремлением снабдить Турцию оружием, в том числе современным, и отсутствием четкого требования к ней о вступлении в войну. Косвенно он признал недружественный оттенок бесед в Анкаре о советско-турецких отношениях: турки «конечно озабочены тем положением, в котором они окажутся после войны в виду большой силы Советского Союза». И хотя Черчилль тут же утверждал, что он сообщил турецким лидерам о верности СССР договорам и обязательствам, изучение материалов англо-турецких переговоров, особенно имеющихся в британских архивах, показывает, что английский премьер-министр не только поддержал разговор о «возможности русской угрозы», но и заявил, что «в таком случае мы (западные державы.— А. Ч.) создадим сильную коалицию против СССР» [38. 1943. Nov. 19].

Советское руководство, очевидно, догадывалось о реальном содержании бесед в Адане. В ответ на призыв Черчилля сделать дружественный жест в сторону Анкары Сталин 6 февраля вполне резонно напомнил, насколько прогермански турки ответили на дружественные заявления из Москвы за несколько месяцев до начала советско-германской войны и вскоре после ее начала. И все же он добавил, что СССР готов пойти им навстречу, если они действительно хотят сделать свои отношения с ним «более дружественными и тесными». Однако и после этого жеста доброй воли Анкара не сделала необходимого шага, да и англичане по существу не поддержали советское предложение, если не считать нескольких фраз Черчилля, которыми он сопроводил переданное в Анкару замечание Сталина о готовности СССР пройти свою часть пути для нормализации советско-турецких отношений [26. Т. 1. С. 89—91; 6. Р. 317].

Если говорить об итогах встречи в Адане в целом, то они оказались весьма скромными и далеко не отвечали замыслам Лондона превратить Турцию в трамплин для развертывания своего варианта периферийной стратегии. Черчилль сразу же понял, что настаивая на каких-либо гарантиях вступления Тур-

ции в антигитлеровскую коалицию, а тем более в войну, он рискует не усилить, а ослабить британское влияние в Анкаре перед лицом более осторожной позиции Вашингтона. Показательно, что в Адане Черчилль не пустил в ход свой главный аргумент: положение Турции на будущей мирной конференции будет зависеть от ее немедленного вступления в войну. Не использовал он и другой «аргумент» — «угрозу турецким правам» в Дарданеллах [38. 1943. Febr. 19.].

Из анализа британских материалов о встрече в Адане правомерен вывод о том, что Англия не собиралась вовлекать Турцию в реальную вооруженную борьбу с вермахтом и сокрушать с ее помощью германские позиции на Балканах. Она намеревалась воспользоваться ожидавшимся развалом военной машины рейха прежде всего в результате его поражений на советско-германском фронте, а также действий партизан, чтобы быстро и без серьезных усилий вернуться в балканские страны в качестве решающей внешней силы. Анкаре в этом деле предназначалась роль младшего партнера, что хорошо видно из упомянутого меморандума Сарджента: «Вместе с Турцией разработать послевоенные планы для Балкан, положив в основу восстановление довоенных национальных государств, чтобы не допустить усиления советского влияния на Балканские страны» [31. 1943 Jan. 11.].

Правительство Великобритании охотно примирилось с тем, что Анкара не проявила признаков реального сдвига в международно-политическом плане даже в сторону западных союзников, а тем более всей антифашистской коалиции. Британское посольство в Анкаре спокойно констатировало, что турецкая пресса единодушно подчеркивает одобрение невмешательства Турции в войну и западными союзниками, и державами оси. Посол Х. Нэтчулл-Хьюджессен по сути дела согласился с той оценкой итогов переговоров в Адане, которая была дана турецкой прессой и публикой: «Неизменность нейтралитета Турции, ее лояльность и обязательствам (Германии), и дружбе (с Англией)» [38. 1943. Febr. 7.]. Верность турок «обязательствам» проявилась в том, что с января 1943 г. они начали выполнять договор о поставках Германии 90 тыс. т хромовой руды, подписанный еще в октябре 1941 г., хотя в новой обстановке не только нужно, но и можно было отказаться от его выполнения [39. 1943. Oct. 26, 29; 40. P. 104—105, 139—140]. И если учесть, что турецкая хромовая руда удовлетворяла 35—40 % потребностей рейха в этом виде стратегического сырья, то станет понятным значение турецкой позиции двойной игры, а также фактического британского подыгрывания ей. В Адане англичане не высказали даже косвенного осуждения по поводу этих поставок.

Весной 1943 г., в канун весьма затянувшегося очищения Северной Африки от войск держав оси, Лондон сделал новую энергичную попытку активизировать балканское направление

стратегии союзников. Черчилль и комитет начальников штабов поддерживали проекты ближневосточного командования во главе с генералом Г. Уилсоном по овладению Додеканес, Критом и далее материковой Грецией в качестве альтернатив захвата Сицилии, либо как первоочередные операции после «Хаски». 6 мая, в рамках подготовки к новой встрече с американцами, Уилсон, представляя план «Экколейд» — захват Додеканес, — высказал мысль, что эту операцию следует рассматривать как увертюру к «возможным крупным операциям с исходными плацдармами в Стамбуле и Салониках и целью — выходом к Дунаю... Присутствие внушительных английских контингентов, взаимодействующих с турецкими войсками в Восточной Европе, укрепило бы наши позиции при окончательном урегулировании восточноевропейских проблем с русскими» [24. С. 270].

В тесной связи с этими антидемократическими и антисоветскими расчетами британской буржуазии в прогнозах окончания войны в Европе стояла публикация в майском номере влиятельного консервативного журнала «Девятнадцатый век и далее» обширного материала о судьбе Средиземноморья. В нем обосновывалась идея необходимости восстановления «неоспоримого господства Великобритании в Средиземноморье» прежде, чем начнутся десантные операции на континенте Европы. Для Англии и ее империи, говорилось в статье, Средиземное море «жизненно важно не только потому, что оно является одним из важнейших имперских путей, но и потому, что без господства на нем Англия будет исключена из Юго-Восточной Европы, не сможет поддерживать действенные связи с Россией и в сущности не сможет удержать баланс сил и вести эффективную европейскую политику» [41. Р. 198]. В попытке завуалировать антисоветский смысл этой концепции авторы явно перегнули палку, утверждая, что «господство Англии в Средиземном море означает безопасность России» не только в плане обеспечения англо-русского сотрудничества в войне, но и в создании предпосылки безопасности в Восточной Европе и на Балканах.

В данной публикации затрагивалась и проблема будущих союзных отношений в регионе. Заявляя, что восстановление господства Англии в Средиземноморье является условием длительного мира в Европе, журнал подчеркнул: «Безопасность всей Европы зависит не от МЕЖДУНАРОДНОГО, а БРИТАНСКОГО (выделено в тексте.— А. Ч.) контроля в регионе. Господство в нем должно стать целью Великобритании в условиях мира, равно как и в условиях войны» [41. Р. 193—194]. Это явный намек Вашингтону не посягать на «исторические права и ответственность» Лондона в Средиземноморье, но вместе с тем и совет Черчиллю активнее защищать здесь интересы британского империализма.

На конференции в Вашингтоне 12—25 мая 1943 г. — кодовое название «Трайидент» — США и Англия без всяких обсуждений

подтвердили прежнюю позицию относительно второго фронта: не открывать его в 1943 г. Было очевидно, что Рузвельт, который в марте этого года в беседе с Иденом допускал возможность десанта в Северную Францию летом или осенью 1943 г., пришел к выводу, что с этим можно не спешить, поскольку краха Германии в 1943 г., вероятно, не произойдет.

Дискуссия на конференции «Трайидент» по вопросам дальнейшего развития политики и стратегии в Средиземноморье оказалась довольно напряженной. Поначалу британская делегация хотела предложить вместо вторжения в Италию упомянутый комплекс операций в Восточном Средиземноморье. Она решительно выступила против другой альтернативы — овладения Корсикой и Сардинией, за что ратовали американцы [24. С. 289, 294]. Черчилль, очевидно, опасался, что эта операция может быть использована для создания угрозы немцам в Южной Франции в поддержку будущей высадки через Ла-Манш и таким образом закроет перспективу турецко-балканского варианта периферийной стратегии.

Делегация США не только категорически отклоняла идею значительных операций союзных сил летом-осенью 1943 г. в Восточном Средиземноморье, но считала необходимым для обеспечения десанта через Ла-Манш весной-летом 1944 г. отказаться от десанта в Италию после захвата Сицилии и ограничиться на данном театре воздушным наступлением. За это выступали три ведущих стратега из Вашингтона: генерал Маршалл, адмиралы Леги и Кинг. Англичанам не помог и аргумент Черчилля о том, что средиземноморская стратегия — вполне достаточный эквивалент второго фронта в 1943 г. и что «никакой другой путь не даст столь большого облегчения для русских в этом году» [42. Р. 26—27; 25. Vol. 4. Р. 792].

И тогда Лондон счел за лучшее не настаивать на операциях в Восточном Средиземноморье, чтобы добиться реализации итальянского направления действий и таким образом все же поставить под сомнение приоритет операции «Раундап» над средиземноморской стратегией в 1944 г. В итоговом документе «Трайдента» последняя была поставлена в зависимость от подготовки назначенного на 1 мая 1944 г. открытия второго фронта в Западной Европе. Целью этой стратегии ставился вывод Италии из войны и пресловутое «сковывание максимального числа немецких дивизий». Конференция не предпринимала высадку в Италию как первоочередную, а тем более единственную операцию союзников в Средиземноморье после овладения Сицилией: объединенный комитет начальников штабов должен был решить в ближайшее время, какую из разработанных штабом Эйзенхауэра операций следует осуществить после «Хаски» [24. С. 429—430; 42. Р. 364—373; 43. С. 175—182].

Черчилль воспользовался осторожностью формулировки этого решения и добился проведения в Алжире 29 мая — 1 июня со-

вещания в штабе Эйзенхауэра с участием Маршалла, А. Брука А. Идена. Чтобы склонить партнера к выбросу десанта в Италию, Черчилль обещал поставить под контроль Эйзенхауэра еще 8—9 британских дивизий, доведя таким образом численность своих войск в его распоряжении до 23 дивизий против 13 американских и французских осенью 1943 г. И все же американцы не высказались определенно в пользу десанта в Италию после «Хаски», хотя стали податливее к аргументам союзника [24. С. 349—350; 25. Vol. 4. P. 816, 818—828; 44. С. 215].

В целом решения «Трайдента» и конференции в Алжире означали, что расчет Лондона на активизацию восточносредиземноморского направления периферийной стратегии снова оказался нереальным. Более того, для обеспечения итальянского направления англичанам пришлось выполнить обещание о передаче упомянутых дивизий. 10 июня А. Брук сообщил в Каир, что Уилсону придется оставить в силе только операцию по захвату Додеканес, а силы, предназначенные для овладения Критом и десанта на греческий материк, передать алжирскому командованию. После некоторого колебания Черчилль и его военные советники одобрили общее мнение Эйзенхауэра и Уилсона отдать предпочтение операциям в центральном Средиземноморье, т. е. выбор вторжения в Италию после захвата Сицилии [24. С. 343—344].

Подлинное значение указанных решений союзников в июне 1943 г. состояло не в том, как утверждает М. Говард, что обозначился «все больший сдвиг направления главного удара к центральному Средиземноморью». Их смысл заключается в том, что в самих восточносредиземноморских планах Лондона произошло определенное изменение приоритетов. Если раньше на первом плане стояло оказание помощи Турции вплоть до превращения ее в плацдарм британских действий в Эгейском море и на Балканах, то теперь на первое место выходила подготовка захвата Додеканес, затем оказание весьма скромной помощи силам Сопротивления в Греции и Югославии, а оказание военно-технической помощи Турции становилось третьестепенным делом.

Основной причиной изменения в системе приоритетов Лондона была необходимость уступить более сильному партнеру. Несмотря на довольно значительный перевес англичан на средиземноморском театре войны — тройной в сухопутных силах и четверной в морских, а также на превосходство в политическом влиянии в Турции, Греции и Югославии — общее соотношение сил в англо-американской коалиции явно склонилось в пользу Вашингтона [3. С. 54—55]. Это и заставило Черчилля принять во внимание американскую позицию.

Другая причина изменения приоритетов заключалась в позиции Турции. Последняя, следуя своей политике лавирования между воюющими блоками и ободренная временным затишьем

на советско-германском фронте, весной-летом 1943 г. усилила реверансы в сторону Берлина. Турки заверили его в отсутствии военных намерений. Кроме того, они тормозили и даже срывали работу британских специалистов по обучению турецкой армии владению современным оружием [45. 1943. June 11.].

5 июля военный кабинет одобрил меморандум Идена о позиции Лондона в отношении Турции. Там отмечалось, что Анкара надеялась извлечь выгоду из сильного ослабления всех трех европейских держав — Англии, Германии и СССР, чтобы самим играть важную роль в Юго-Восточной Европе и «любой ценой держать порох сухим». Последнее нужно Турции якобы для того, чтобы «убережся в недружественном, находящемся под сильным воздействием России послевоенном мире» [46. Р. 1].

Меморандум не только подтверждает согласие Лондона с таким толкованием турецкой позиции, но и раскрывает подоплеку этого: «Руководители Турции твердо убеждены, что поддержка англичанами независимой Турции в ее контроле Дарданелл так неразрывно связана с британскими интересами в Средиземноморье, что Великобритания никогда не сможет позволить себе оставить Турцию политически, как бы последняя ни вела себя плохо» [46. Р. 1—2]. Однако хорошо известно, что за формулой «турецкий контроль над Дарданеллами» скрывалась политика сохранения серьезного британского влияния в зоне Проливов и ограничения безопасности причерноморских стран, в частности ограничение прохода советских ВМС через Проливы. В рассматриваемом документе этот вопрос был поставлен открыто: «Намереваемся ли мы встать перед лицом такой возможности, против которой традиционная политика Англии боролась 200 лет? Хотим ли мы допустить Россию в Средиземное море, вернее должны ли мы согласиться с тем, чтобы Россия получила доступ в него?» [46. Р. 3—4].

В сущности это был вопрос большой политики, и всем своим духом меморандум отвечал на него «нет». Одновременно это был вопрос большой стратегии, и адресовался он комитету начальников штабов. Последний рекомендовал сохранить прежнюю позицию Лондона как в отношении влияния в зоне Проливов, т. е. ограничения прохода советского флота через них, так и в поставках оружия туркам. Правда, в последнем вопросе они советовали сохранить прежнюю позицию лишь до тех пор, пока не будет согласована стратегия западных союзников в Турции в целом [24. С. 345].

Проблема взаимосвязи британского влияния в Турции и ее вовлечения в войну стала предметом некоторой напряженности внутри западной коалиции летом 1943 г., когда дипломатия США стала активно противодействовать сохранению гегемонии Лондона в Турции. Вашингтон решительно отклонил черчиллевский вариант «формулы Касабланки», отделив экономические и политические вопросы отношений союзников с Анкарой от

военных, переданных в полное ведение Англии. Но так как британская дипломатия продолжала настаивать на своем понимании «формулы», государственный секретарь К. Хэлл с ведома Рузвельта направил 10 июля личную ноту правительству Черчилля. В ней снова отвергались претензии Лондона на сосредоточение в его руках всех отношений союзников с Турцией: «Каковы бы ни были военные соглашения, мне неизвестно никакое обязательство президента, которое тем или иным способом вело бы к отказу США от своей полной самостоятельности действий в Турции в политической и экономической сферах в ходе войны или после нее» [47. Vol. 4. P. 1065, 1067].

В момент получения ноты советник посольства Англии М. Райт пытался оспорить аргументы союзника ссылкой на текст соглашения в Касабланке, но американский дипломат У. Мэррей отверг трактовку Форин Оффиса и сообщил, что нота Хэлла одобрена самим Рузвельтом и что госдепартамент прекращает дискуссию. При этом Мэррей не без иронии добавил: «Мое правительство не собирается отказываться от всех прав на прямые дипломатические отношения с Турцией. В противном случае не было бы нужды держать наше посольство в Анкаре, а турецкое в Вашингтоне» [47. Vol. 4. P. 1068—1069].

Дипломатическая борьба вокруг Турции между Великобританией и США, прошедшая в канун крупнейших событий на главном, советско-германском фронте второй мировой войны, а также на средиземноморском театре, завершила определенную фазу в развитии периферийной стратегии западных союзников в Восточном Средиземноморье в период коренного перелома в войне. Ее анализ позволяет сделать следующие выводы. С самого начала реализации союзной стратегии в регионе Великобритании не только продолжала вооруженную борьбу с державами оси, но и повела сложную политико-дипломатическую борьбу в рамках антигитлеровской коалиции. Лондон и Вашингтон оказались едины в том, чтобы в 1943 г. отказаться от принятия согласованной с Советским Союзом стратегии скорейшего разгрома Германии и направить свои основные усилия в район Средиземноморья. Но в рамках этой стратегии между союзниками возникали порой значительные разногласия, которые четко обозначились в рассматриваемый период.

В Касабланке закончилась неудачей первая попытка Англии закрепить на будущее приоритет восточносредиземноморской зоны действий союзников, особенно турецко-балканского направления. США в целом отклонили британскую программу, но Лондону удалось поставить под свой контроль все отношения союзников с Турцией в военной области, прежде всего в поставках по ленд-лизу.

Англо-турецкие переговоры в Адане и особенно позиция британского военного кабинета в отношении Турции в июле 1943 г. показали, что основным орудием политики Великобритании в

Анкаре являлось подыгрывание лавированию турок между фашистским блоком и антигитлеровской коалицией и использование тезиса об «угрозе с севера» для перехода Турции «под защиту Запада, т. е. практически под эгиду Англии. Однако США поставили серьезную преграду утверждению британской гегемонии в зоне Проливов.

Весной и в начале лета 1943 г. закончилась неудачей новая попытка правительства Черчилля активизировать периферийную стратегию, сдвинуть центр ее тяжести на восток, реализовать ее в итало-балканском варианте. Несмотря на сохранявшийся значительный перевес британских вооруженных сил над американскими в Средиземноморье, англичане отступили перед твердым намерением США сохранить центр тяжести военно-политической борьбы в центральной зоне региона, а всю средиземноморскую стратегию подчинить с осени 1943 г. подготовке и проведению операции вторжения через Ла-Манш в 1944 г. Этот фактор в свою очередь определил понижение роли возможных операций союзников в итало-балканском и турецко-балканском направлениях периферийной стратегии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. История дипломатии: В 5 т. М., 1974. Т. 4.
2. *Израэлян В. Л.* Дипломатия агрессоров. М., 1967.
3. *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения, 1941—1945. М., 1969.
4. *Секистов В. А.* Война и политика. М., 1970.
5. *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969.
6. Roosevelt and Churchill: Their wartime correspondence. L., 1975.
7. The diaries of Sir A. Cadogan. L., 1971.
8. The war diaries of Oliver Harvey. L., 1976.
9. *Harriman A., Abel E.* Special envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N. Y., 1976.
10. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1984.
11. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983.
12. Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983.
13. *Howard M.* Grand strategy: august 1942—september 1943. L., 1972.
14. *Woodward L.* British policy in the Second World War. L., 1970—1975. Vol. 1—5.
15. *Playfair I.* The Mediterranean and Middle East. L., 1966, 1973, 1979. Vol. 4—6.
16. *Barker E.* British foreign policy in the South—East Europe in the Second World War. L., 1976.
17. *Françaises et britanniques dans la drôle de guerre.* P., 1979.
18. *Gilbert M.* Winston Churchill: Finest hour 1939—1941. L., 1983.
19. *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. 3 изд., доп. М., 1982.
20. История второй мировой войны, 1939—1945: В 12 т. М., 1975. Т. 6.
21. *The Rommel Papers.* L., 1953.
22. *Liddel Hart B.* The History of the Second World War. L., 1970.
23. *Жилин П. Е., Якушевский А. С., Кульков Е. Н.* Критика основных

- концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983.
24. *Говард М.* Большая стратегия, август 1942 — сентябрь 1943. М., 1980.
 25. *Churchill W.* The Second World War. Boston, 1950. Vol. 4.
 26. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании, 1941—1945. М., 1957. Т. 1.
 27. Centre of Military Archives. Ismay's Papers VI/2.
 28. Public Record Office. Cab 66/31, WP (42) 543.
 29. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М., 1958.
 30. Public Record Office. Cab 119/116, JP (42) 990.
 31. Public Record Office. FO. 371/33154, R 8820/—/67.
 32. Public Record Office. Cab 80/57, COS (42) 460 Final.
 33. Public Record Office. FO. 371/33377, R 8240/820/44, R 8454/820/44.
 34. *Garland A., Smith H.* Sicily and the surrender of Italy. Wash., 1960.
 35. Foreign Relations of the United States. The conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943. Wash., 1968.
 36. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1942. Wash., 1963. Vol. 4.
 37. Public Record Office. PREM 3/471.
 38. Public Record Office. FO. 371/37516, R 2326/1016/44.
 39. Public Record Office. Cab 119/41, JP (43) 361, 361 (S).
 40. *Weisband E.* Turkish foreign policy, 1943—1945. Princeton, 1973.
 41. Nineteenth century and after. L. 1943. May. N 795.
 42. Foreign Relations of the United States. The conferences at Washington and Quebec, 1943. Wash., 1970.
 43. *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964.
 44. *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1980.
 45. Public Record Office. Cab 66/37, WP (43) 236.
 46. Public Record Office. FO. 371/37517, R 6787/1027/44.
 47. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1943. Wash., 1964. Vol. 4.

В. А. КОКШАРОВ
Уральский университет

Роль нефтяных интересов США в предоставлении финансово-экономической помощи по ленд-лизу Саудовской Аравии (1941 — 1943)

Проблема ленд-лиза как одного из средств усиления экспансии американского империализма в годы второй мировой войны достаточно полно освещена в советской историографии. В коллективных трудах советских ученых [1—2], в работах А. А. Громыко, Н. Н. Иноземцева, И. М. Лемина, К. И. Лукашева и других [3—6] опровергается лживый тезис о решающей роли поставок по ленд-лизу для победы стран антифашистской коалиции, убедительно раскрывается роль «займа-аренды» в укреплении позиций монополий США в острой борьбе с английскими конкурентами, его значение для проникновения американского империализма в колониальные и зависимые от Англии страны. В монографии Л. В. Поздеевой исследуются некоторые аспекты пре-